Чикагская драма.

Перваго мая 1886 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Первое мая!... весна... пробужденіе новой жизни... молодой, кипучей, бурно разрушающей всѣ преграды, побѣдоносно торжествующей надъ смертью, холодомъ, мракомъ зимы. Долго длилась зима; жестокая была борьба между жизнью и смертью; много пало жертвъ, много погибло, — но новая жизнь зародилась тамъ, гдѣ пали одни... жизнь молодая, свободная, незнающая ни законовъ, ни власти, ни рабства!...

Первое мая!... Въ республикахъ, монархіяхъ, конституціяхъ въ Европѣ, Америкѣ, Австраліи рабочіе, одинаково эксплуатируемые вездѣ, покидаютъ фабрики, мастерскія, заводы, — и всѣ правители, буржуи, всѣ тѣ, кто живетъ народнымъ трудомъ дрожатъ и держатъ на готовѣ полицію, жандармовъ, войска!

Первое мая! Рабочіе всѣхъ странъ безъ различія національностей, вѣрованій, языковъ объеди-

няются въ одной и той же ненависти къ существующему рабскому строю, въ одной и той же надеждѣ на новую жизнь безъ господъ и хозяевъ, въ одномъ и томъ же порывѣ къ свободѣ, счастью и волѣ.

Первое мая! . . . Угроза всѣмъ тѣмъ, кто давитъ и жметъ крестьянъ и рабочихъ; угроза всѣмъ тѣмъ, кто живетъ рабствомъ другихъ, — всѣмъ правителямъ, паразитамъ, хозяевамъ и властямъ.

Первое мая! . . . Грозное видѣніе могучей, всеразрушающей революціи; пробужденіе рабочаго люда; первая почка великой рабочей идеи: всеобщей забастовки; завѣтъ анархистовъ погибшихъ въ Чикаго во имя ея.

Первое мая! . . . Чикаго . . . первая попытка осуществленія всеобщей забастовки . . . кровавая месть американской буржуазіи . . . избіеніе рабочихъ . . . аресты . . . казнь анархистовъ . . . льется рабочая кровь . . . кровь борцовъ за свободу народа!

Первое мая! . . . Чикагская драма . . . урокъ оплаченный дорогою цѣною! . . .

153282

Первое мая 1886 года.

Первое мая, »маёвка« зародилась въ Америкѣ, и вначалѣ она была однимъ изъ актовъ рабочей борьбы. — Америка — самая свободная страна, говорятъ либеральные буржуи всѣхъ фракцій. И въ самомъ дѣлѣ тамъ существуетъ большая свобода слова и собраній, чѣмъ въ другихъ странахъ, тамъ рабочіе могутъ свободно организовывать синдикаты и всякіе союзы, и до 1886 года тамъ существовала полная свобода приготовленія динамита и бомбъ. Рабочіе открыто съорганизовывались въ боевые отряды и въ революціонныхъ редакціяхъ на виду лежали бомбы и оружія. — »Вотъ чтобы васъ взорвать« говорилъ рабочій, показывая на бомбу. »Ничего, у насъ есть пушки и картечь« отвѣчалъ съ улыбкой буржуа. — Всеобщее избирательное право и всякія политическія свободы тамъ существуютъ, и однако могущество капитала тамъ безгранично, и нигдѣ рабочій не эксплуатируется такъ жестоко, какъ тамъ, нигдѣ правительство, пресса, правосудіе не служатъ такъ откровенно капиталу, какъ въ этой странѣ демократическихъ свободъ. — Тамъ нѣтъ ни царей, ни монарховъ »помазанныхъ богомъ«, но каждый богачъ тамъ король, и каждый за деньги можетъ имѣть своихъ полицейскихъ, шпіоновъ, солдатъ; каждый можетъ купить всѣхъ и все: министра, судью, президента рабочихъ союзовъ.

Америка — страна политическихъ свободъ . . . и нигдѣ нѣтъ столько голодныхъ, забитыхъ, подавленныхъ, бѣдныхъ; нигдѣ рабочій не подчиненъ такъ капиталу, какъ тамъ. Америка — страна свободъ для богатыхъ; да! но для рабочихъ, какъ и вездѣ, она — страна рабства и гнета.

Тамъ, какъ и вездѣ, свободы нѣтъ для тѣхъ, кто долженъ, чтобы жить, продавать свой трудъ, искусство, умѣнье; свободы нѣтъ для того, кого голодъ и холодъ заставляютъ искать покупщика-господина. Свобода не можетъ быть тамъ, гдѣ въ силу существованія собственности, тѣ, кто владѣетъ землею, машинами, копями, всѣмъ необходимымъ для жизни господствуютъ надъ классомъ неимущихъ, бѣдныхъ, рабочихъ.

Собственность! — т. е. захватъ общественныхъ благъ въ пользу личныхъ интересовъ немногихъ; управленіе вещами, отъ коихъ зависитъ жизнь милліоновъ людей; собственность т. е. воровство, убійство, насиліе противоположна всякой свободы, и пока существуетъ собственность никакая свобода немыслима для рабочихъ, неимущихъ, крестьянъ.

Въ Америкѣ, какъ и въ вездѣ, въ силу существованія собственности рабочій классъ порабощенъ буржуазіей. Тамъ, какъ и вездѣ, рабочіе борятся противъ капитализма и государства, и американская буржуазія, какъ и прочія, не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы подавить рабочія стачки, бунты, возстанія. И тамъ, какъ и вездѣ, первыми жертвами буржуазныхъ репрессій падаютъ тѣ, кто будитъ въ

рабочихъ энергію, гордость и смѣлость, кто держитъ горящимъ огонь идеала, кто словомъ и дѣломъ указываетъ путь къ Анархіи, Равенству, Братству.

* * *

Въ 1884 году начались въ Америкѣ страшные промышленные кризисы. Большіе города наполнились толпами исхудалыхъ, оборванныхъ рабочихъ, выброшенныхъ хозяевами изъ фабрикъ и заводовъ. Рабочіе — творцы всѣхъ богатствъ; тѣ, чьимъ трудомъ роскошно живутъ правители, буржуи, богачи; рабочіе, женщины, дѣти умирали голодной смертью тогда, какъ магазины, склады, амбары были полны мяса, одежды, муки. Слишкомъ много продуктовъ; слишкомъ много пищи, богатствъ! и по волѣ буржуазнаго класса, по волѣ тѣхъ, кто управляетъ производствомъ и потребленіемъ, рабочіе, трудъ коихъ создалъ всѣ эти богатства, были осуждены на голодъ и холодъ, на смерть!

И цѣлыя толпы блѣдныхъ рабочихъ, озлобленныхъ женщинъ, исхудалыхъ дѣтей печально бродили въ роскошныхъ кварталахъ богатыхъ городовъ свободной Америки, — страны »правоваго порядка!»

Что дѣлать? Какъ быть! Чѣмъ помочь безработнымъ; гдѣ выходъ изъ такого порядка вещей?

Выходъ одинъ: — революціонная экспропріація буржуазнаго класса; водвореніе коммуны, т. е. общества, гдѣ все принадлежитъ всѣмъ, гдѣ каждый работаетъ сообразно своимъ способностямъ, силамъ;

гдѣ каждый потребляетъ сообразно своимъ потребностямъ, нуждамъ; гдѣ каждый — самъ себѣ господинъ. Выходъ одинъ: коренное уничтоженіе въ принципахъ и фактахъ всего государственнаго, буржуазнаго строя. — Но не таково еще было мнѣніе профессіональныхъ организацій, обсуждавшихъ на конгрессѣ 1885 года вопросъ о безработныхъ. — Пропитанныя еще буржуазными предразсудками и уваженіемъ къ собственности хозяевъ, ограбившихъ рабочихъ, укравшихъ землю у крестьянъ, рабочія организаціи не провозгласили, что никакое улучшеніе невозможно въ положеніи рабочаго класса, пока существуетъ государство и собственность — Надѣясь на возможность реформъ въ рамкахъ буржуазнаго строя, этотъ конгрессъ рѣшилъ агитировать за 8-ми часовой день, думая, что благодаря уменьшенію рабочаго дня будетъ уменьшено число безработныхъ и голодныхъ. — Но какъ добиться 8-ми часоваго дня? Просить у хозяевъ? Гнуть спину? Съ холопской улыбкой протягивать руку? Послать депутатовъ въ Парламентъ; покорно просить у правительства особыхъ законовъ? Ждать годы и годы, еще и всегда? Нѣтъ! Американскіе рабочіе знали по опыту, что имъ нечего ожидать отъ законовъ, легальности, отъ буржуазныхъ учрежденій. — Правительственная власть не можетъ служить интересамъ рабочихъ. Законы не могутъ уменьшить экономическаго могущества буржуазнаго класса. — Буржуазія существуетъ, потому что существуютъ законы, позволяющіе ей эксплуатировать и грабить рабочихъ. Не законы

создали рабство, но рабство — законы; не законы создали буржуазію, но покорность, пассивность, невѣжество рабочаго класса.

Буржуазія господствуетъ благодаря собственности и надѣяться на законы и потому безумно, думать, что помѣщики, хозяева отдатутъ рабочимъ когда-либо по добротѣ души всѣ фабрики, земли, дома, всѣ богатства. — Хозяева, правители, буржуи живутъ благодаря производству трудящихся массъ и пріостановка работы, стачки ставятъ буржуазію въ болѣе опасное положеніе, чѣмъ всевозможные законы, якобы покровительствующіе интересамъ рабочихъ. — Конгресъ 1885 года рѣшилъ, слѣдовательно, ввести самостоятельно восьми часовый день.

Было условлено не работать больше восьми часовъ, начиная съ перваго мая 1886 года и, чтобы заставить хозяевъ подчиниться волѣ рабочихъ, было принято рѣшеніе съ этого же дня объявить всеобщую забастовку всѣхъ рабочихъ »свободной« Америки.

* * *

Американскіе анархисты, къ пропагандѣ которыхъ жадно прислушивались толпы рабочихъ, хорошо понимали, что трудиться даже восемь часовъ на хозяевъ, — это еще 8 лишнихъ часовъ. Они хорошо понимали, что усовершенствованныя машины, болѣе быстрое производство поставятъ рабочихъ въ тѣ же условія, что и раньше; они знали, что никакое улучшеніе въ положеніи рабочаго

класса немыслимо, пока существуетъ продажа — торговля, собственность — власть, эксплуатація одного человѣка другимъ. — Но они также знали всю важность найденной самими рабочими идеи всеобщей забастовки, всю возможность ея перехода въ революціонную экспропріацію буржуазнаго класса. — Покинуть работу, остановить производство, прекратить движеніе поѣздовъ — хорошо, но этого мало, если рабочіе ограничатся мирной стачкой и покорнымъ выжиданіемъ буржуазныхъ уступокъ. Буржуазія, имѣя запасы, можетъ ждать не страдая отъ голода; рабочіе — нѣтъ. Резервная армія безработныхъ слишкомъ обильна, и возможность прожить хоть не много безъ голода, взявши мѣсто бунтующаго брата, слишкомъ заманчива для всѣхъ тѣхъ, чья жизнь есть длинный рядъ всевозможныхъ страданій. Накормить голодныхъ, одѣть оборванныхъ, показать на практикѣ всѣмъ безработнымъ, что ихъ интересъ совпадаетъ съ интересомъ забастовавшихъ рабочихъ — таковъ долженъ быть первый актъ всеобщей забастовки. Не производить для буржуазіи! но воспользоваться произведенными продуктами, чтобы одѣть, накормить и обуть самыхъ бѣдныхъ рабочихъ. Не производить для буржуазіи! — Но посылая крестьянамъ машины, орудія и все, что имъ нужно, показать имъ на фактахъ все превосходство рабочей всеобщей забастовки надъ буржуазнымъ режимомъ »порядка и тишины«.

Буржуазія будетъ защищать свою »собственность«? Конечно! И анархисты сознавали всю не-

обходимость развитія бунтарскаго духа среди покорныхъ массъ, всю необходимость рабочихъ боевыхъ отрядовъ, всю важность широкаго употребленія динамита и бомбъ.

Послѣ рѣшенія конгресса 1885 года ввести восьми часовый день и объявить перваго мая 1886 года всеобщую забастовку американскіе анархисты еще съ большимъ жаромъ предались дѣлу рабочаго освобожденія. Освобожденіе рабочихъ отъ ига Государства и Собственности можетъ быть совершенно только самими рабочими; да! Но необходимо сознаніе своего рабства, необходима вѣра въ возможность лучшаго строя, нужна энергія борьбы, смѣлость, рѣшительность, жажда побѣды, необходимъ идеалъ. И американскіе анархисты всецѣло отдались пропагандѣ рабочаго идеала — анархіи, стараясь расширить идею всеобщей забастовки и придать ей революціонный характеръ соціальной войны. Митинги послѣдовали за митингами; брошюры, прокламаціи раздавались тысячами; уличныя демонстраціи не пріостанавливались и въ атмосферѣ постояннаго броженія годъ незамѣтно прошелъ. — Подъ вліяніемъ этого броженія хозяева уступили и приняли восьми часовый день, но большинство ихъ, не вѣря въ способность рабочихъ объявить всеобщую забастовку ждали спокойно событій. Наступило первое мая 1886 года; рабочіе покидаютъ фабрики, заводы; производство пріостанавливается; болѣе 800 тысячъ рабочихъ на улицахъ . . .

Первая маёвка, первая всеобщая забастовка! . . .

* *
*

Многіе думаютъ, что буржуазія въ общемъ добра и великодушна. Всевозможныя обвиненія, возводимыя на революціонеровъ апостолами государственной монополизаціи орудій производства, иными словами соціалъ-демократами, заставляютъ думать, что буржуазія со слезами на глазахъ и скорбью въ душѣ прибѣгаетъ къ избіенію рабочихъ, ихъ женъ и дѣтей. Послушать этихъ приверженцевъ государственнаго капитализма, такъ это вина революціонеровъ, если правительство вѣшаетъ, разстрѣливаетъ, избиваетъ рабочихъ; послушать ихъ, такъ это вина всѣхъ тѣхъ, кто, не будучи въ силахъ больше страдать, гордо отвѣчаетъ буржуазіи бунтомъ, борьбой, динамитомъ, когда она для самозащиты прибѣгаетъ къ жестокостямъ и кровопролитію; послушать соціалъ-демократовъ, такъ виновны анархисты, если буржуазія льетъ такъ обильно рабочую кровь! И однако первая Всеобщая Забастовка была мирной и легальной; и однако ярость буржуазіи не знала границъ. Буржуазія существуетъ благодаря покорности рабочаго класса; но въ силу противоположности и несовмѣстимости рабочихъ и буржуазныхъ интересовъ современное общество носитъ въ себѣ зачатокъ возможной революціи. Рабочій классъ не всецѣло пассивенъ, — и то здѣсь, то тамъ происходятъ стачки, возстанія, массовые или личные бунты. — Подъ вліяніемъ ихъ у рабочихъ развивается сознаніе классовой солидарности, ненависть къ буржуазному строю, любовь къ свободѣ, смѣлость, готовность къ борьбѣ и стачкѣ, возстанія

и бунты становятся все болѣе широкими и болѣе частыми. Буржуазія понимаетъ всю опасность рабочихъ движеній и всю возможность ихъ перехода въ революцію. Рабочая революція не заключается въ замѣнѣ одного правительства другимъ, но въ уничтоженіи власти и собственности и, такъ какъ жизнь буржуазіи неразрывно связана съ существованіемъ власти и собственности, она не останавливается ни передъ чѣмъ, когда этимъ основамъ рабскаго строя грозитъ исчезновеніе и смерть.

Всѣ законы имѣютъ цѣлью защиту власти и собственности; всѣ законы стремятся подъ угрозой наказаній, т. е. подъ угрозой убійства, рабства, насилія, грабежа внушить рабочимъ, бѣднымъ, неимущимъ благоговѣніе и страхъ предъ властью и собственностью. — Законы не дѣйствуютъ? Буржуазія выполняетъ угрозу, и она прибѣгаетъ къ судебному, военному, полицейскому террору. — Буржуазія въ сущности господствуетъ благодаря организованному, государственному легальному террору и, когда рабочіе не хотятъ спокойно умирать отъ голода, когда они не желаютъ мирно работать для господъ и хозяевъ, когда человѣкъ не можетъ подло гнуть спину предъ всякой властью, буржуазія пускаетъ въ ходъ пули, нагайки, штыки и картечь . . . и надъ трупами рабочихъ, крестьянъ, анархистовъ, погибшихъ въ борьбѣ за свободу народа, нагло издѣваются защитники буржуазныхъ привилегій, и грязью покрываютъ павшихъ героевъ слезливые обожатели легальнаго захвата общественной

власти! Конечно, буржуазія никогда не прибѣгала-бы къ открытому »легальному« террору, если бы рабочіе безропотно переносили свою рабскую жизнь; конечно не былобы ни висѣлицъ, ни тюремъ, еслибы не было людей, не могущихъ покорно переносить подлый гнетъ буржуазнаго строя; конечно не было-бы репрессій, если бы не было ни стачекъ, ни бунтовъ, если бы все было тихо, спокойно и мирно. — Буржуазія не требуетъ ничего кромѣ »порядка и тишины«, но это требованіе невыполнимо, пока существуетъ буржуазія, т. е. пока существуетъ собственность, власть, классовая борьба. — Буржуазное насиліе зарождаетъ насиліе рабочаго класса; классовая борьба есть б о р ь б а; соціальный вопросъ есть вопросъ силы и побѣда останется за тѣмъ, кто, зная къ чему онъ стремится, сумѣетъ въ классовой борьбѣ быть болѣе сильнымъ, чѣмъ классъ паразитовъ, хозяевъ, господъ. — Буржуазія покамѣсть болѣе сильна; она знаетъ хорошо, что она защищаетъ, и она нисколько не намѣрена пожертвовать своимъ существованіемъ для общаго блага крестьянъ и рабочихъ. — Естественно поэтому, что всякая стачка, бунтъ, нарушеніе »тишины и порядка« получаетъ отпоръ со стороны буржуазіи и, естественно, что американскіе капиталисты не встрѣтили съ восторженной радостью первую всеобщую забастовку перваго мая 1886 года. — Напротивъ, ихъ ярость не знала предѣловъ. Они съорганизовались въ »общество гражданъ« и не довольствуясь правительственными силами, всегда од-

нако готовыми къ услугамъ буржуазіи, они наняли свою собственную полицію и въ своихъ газетахъ открыто проповѣдовали энергичныя средства для истребленія недовольныхъ рабочихъ. »Надо бросать бомбы въ толпы стачечниковъ, желающихъ повысить заработную плату и уменьшить рабочій день; такимъ образомъ они будутъ проучены, да и на другихъ примѣръ подѣйствуетъ« — писала газета „Чикагское время“, гдѣ военные техники давали подробный способъ изготовленія бомбъ для уничтоженія рабочихъ. Другая газета „Чикагская трибуна“ совѣтовала слѣдующее: »Когда рабочіе просятъ хлѣба, дайте имъ хлѣбъ со стрихниномъ, чтобы въ другой разъ не приставали « И позже та же газета писала: „Лучшее средство противъ голодающихъ, это класть имъ въ пищу мышьякъ“. — Уже нѣсколько лѣтъ раньше газета »Ньюіркая трибуна«, говоря о стачечникахъ, писала такъ: „На этихъ скотовъ иначе, какъ силою, не подѣйствуешь, а потому имъ надо дать такой урокъ, чтобы они его не забыли въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній.“— И буржуазія свободной Америки рѣшила дать урокъ рабочимъ, которые изъ солидарности къ толпамъ голодныхъ, безработныхъ старались добиться восьми часоваго дня рабочимъ, потомъ и кровью которыхъ питаются всѣ паразиты, живутъ всѣ буржуа міра сего.

* * *

Во главѣ рабочаго движенія стоялъ городъ Чикаго, городъ роскоши и промышленныхъ королей, но въ то же время городъ бѣдности и безжалостной эксплуатаціи. Въ Чикаго, въ особенности подъ вліяніемъ анархистовъ, движеніе было очень сильно, и среди анархистовъ своею крайней преданностью рабочему дѣлу тамъ отличались Парсонъ, Лингъ, Фишеръ, Энгель и Шписъ. Тамъ въ Чикаго всеобщая забастовка близка была къ тому, чтобы перейти въ вооруженное возстаніе, и тамъ то буржуазія рѣшила дать рабочемъ свой кровавый урокъ . . .

За нѣсколько времени до перваго мая хозяева одного крупнаго завода сельско-хозяйственныхъ орудій расчитали рабочихъ, требовавшихъ восьми часоваго дня: на мѣсто »красныхъ« поставили привезенныхъ издали »желтыхъ«,*) и для охраны работавшихъ „желтыхъ“ наняли 300 вооруженныхъ полицейскихъ. — Рабочіе были страшно озлоблены этимъ, но вмѣсто того, чтобы взорвать заводъ, попортить машины и практически сдѣлать невозможнымъ продолженіе работъ, они думали, что угрозами и уговорами можно заставить голодающихъ „желтыхъ“ присоединится къ нимъ. — 3-го мая возлѣ завода состоялся митингъ. Рабочіе были безъ оружія. Говорилъ Шписъ, и его рѣчь была »спокойной и умѣренной«, какъ писалъ онъ послѣ въ своей

*) »Желтыми« въ Западной Европѣ и Америкѣ называются рабочіе противореволюціоннаго направленія.

біографіи. — Въ это время послышались удары заводского колокола, и »желтые« начали толпами выходить на улицу. Рабочіе окружили ихъ, завязались споры и чуть-ли не драки. — Внезапно изъ завода выбѣгаетъ полиція и открываетъ стрѣльбу по безоружнымъ рабочимъ. — Тѣ отвѣчаютъ камнями, полицейскіе стрѣляютъ въ женщинъ, мужчинъ и дѣтей безъ разбору, и 56 рабочихъ остаются на мѣстѣ: 6 было убито и 50 рабочихъ опасно ранены. — Возмущенныя до глубины души такимъ звѣрствомъ хозяевъ »Рабочая Газета«, передавая совершившіяся событія, обратилась къ рабочимъ со слѣдующимъ воззваніемъ:

»Необходимость заставляетъ кричать: Рабочіе къ оружію! Тигры, властвующіе надъ вами и жаждующіе вашей крови разстрѣляли вчера вашихъ братьевъ. За что? За то, что они имѣли дерзость заявить недовольство своей судьбой, навязанную ими самими-же эксплуататорами. Они просили хлѣба, — имъ отвѣтили пулями, очевидно рѣшивъ, что это лучшій способъ, чтобы удовлетворить рабочія требованія. Въ продолженіе долгихъ лѣтъ вы безропотно переносили всѣ лишенія, всѣ оскорбленія, униженія, голодъ и холодъ. Съ утра до ночи вы работали, жертвуя всѣмъ, даже своими дѣтьми для того, чтобы набить золотомъ сундуки тѣхъ самыхъ господъ, которые теперь посылаютъ вамъ пули, когда вы осмѣлились поднять голосъ и требовать облегченія гнетущаго васъ положенія.

Вчера жены и дѣти убитыхъ оплакивали жертвы,

павшія подъ пулями капиталистовъ, а наши господа веселились въ своихъ дворцахъ и пили шампанское!

Рабочіе, не плачте! Рабы, не падайте духомъ, возстаньте! Народъ, чего ты хочешь? Рабства и голода или воли и хлѣба? Если ты хочешь воли и хлѣба будь силенъ, возьмись за оружіе! . . .

Смерть угнетателямъ! Безъ этого спасенія нѣтъ. Народъ, вспомни героевъ, которые кровью своей покрыли дорогу, ведущую къ прогрессу, къ свободѣ. И, если можешь, послѣдуй за ними!

Ваши братья."

Былъ созванъ массовой митингъ »съ цѣлью заклеймить звѣрское убійство товарищей рабочихъ"; и митингъ состоялся на Сѣнной площади вечеромъ 4-го мая 1886 г. Присутствовала тамъ масса рабочихъ съ женами и дѣтьми, и говорили любимые народомъ анархисты: Парсонъ, Энгель, Шписъ и другіе. На этомъ же митингѣ присутствовалъ и городской голова, пришедшій туда съ твердымъ намѣреніемъ разогнать собраніе, если оно приметъ »нелегальный« характеръ. — И вотъ, что позже писалъ этотъ представитель буржуазіи, блюститель законовъ и порядка: „Только въ самомъ началѣ рѣчи. Шписа я опасался, что мнѣ прійдется закрыть митингъ, вся же его остальная рѣчь была такою, что я указалъ начальнику полиціи Бонфильду на умѣренный характеръ этой рѣчи. Что касается рѣчи. Парсона, то найбольшее вниманіе публики привлекли, его статистическія данныя. Если я помню

хорошо онъ говорилъ, что на долю капитала приходится 85%, а на долю труда 15%. — Я назвалъ бы это сильной рѣчью противъ капитала. — Я вернулся въ полицейскійучастокъ и сказалъ Бонфильду, что митингъ сейчасъ закончится, что пока все спокойно и что вѣроятно не будетъ никакихъ безпорядковъ, которые потребовали-бы вмѣшательства полиціи и что, по моему мнѣнію, надодать приказъ резервной полиціи вернуться въ казармы". Но не таково было намѣреніе ни Бонфильда начальника городской полиціи, ни Пинкертона начальника хозяйской полиціи.

Буржуазія стремилась „дать урокъ" забастовавшимъ рабочимъ и на многіе годы убить въ нихъ охоту бороться за лучшую жизнь; ей нужно было труповъ и крови! — Митингъ былъ мирнымъ, спокойнымъ, легальнымъ? — Несомнѣнно! Не легальность есть маска буржуазнаго террора, легальность есть занавѣсъ, сзади которой буржуазія держитъ всегда на готовѣ своихъ полицейскихъ, солдатъ и жандармовъ, своихъ тюремщиковъ, палачей и убійцъ. Интересамъ хозяевъ грозитъ опасность? — маска срывается, занавѣсъ падаетъ . . . и широкимъ потокомъ льется рабочая кровь. — Собственность, власть рискуетъ исчезнуть? — маска срывается, занавѣсъ падаетъ . . . и тысячи вдовъ, прижимая къ изсохшей груди блѣдныхъ младенцевъ, льютъ горькія слезы на могилахъ убитыхъ рабочихъ въ Парижѣ, Москвѣ, Петербургѣ, въ свободной Америкѣ, въ рабской Россіи!

Митингъ приближался къ концу. Было около десяти часовъ вечера; говорилъ послѣдній ораторъ, и толпы задумчивыхъ рабочихъ уже расходились мирно, спокойно ... Въ это время появляется хозяйская полиція. Съ оружіемъ въ рукахъ, ускореннымъ шагомъ она стройной колоной надвигается на рабочихъ; еще нѣсколько шаговъ, и избіеніе рабочихъ будетъ ужаснымъ ... въ этотъ моментъ неизвѣстно кѣмъ была брошена бомба въ эту шайку наемныхъ убійцъ: семеро полицейскихъ падаютъ мертвыми, 30 ранеными. Полиція открываетъ огонь по рабочимъ ... и сколько ихъ пало никто не могъ знать.

* * *

„Пули для черни, веревка для вожаковъ“ — такова программа буржуазныхъ репрессій противъ рабочихъ. — Избіенія стачечниковъ было еще недостаточно для американской буржуазіи; ея месть требовала судебнаго издѣвательства и медленной агоніи анархистовъ, шедшихъ во главѣ рабочаго движенія ... Шписъ, Фильденъ, Лингъ Фишеръ, Энгель, Нибъ и Швабъ были немедленно арестованы послѣ митинга 4 мая. Парсонъ успѣлъ скрыться, но когда онъ узналъ, что буржуазія приготовляется осудить его товарищей на смерть, онъ свободно явился на судъ, желая быть до конца вмѣстѣ со своими друзями. — Такимъ образомъ капиталисты держали въ своихъ рукахъ самыхъ дѣятельныхъ чикагскихъ анархистовъ, самую душу рабо

чаго движенія. Арестованныхъ анархистовъ судили 21-го іюня 1886 года, и судъ надъ ними продолжался 49 дней. Въ чемъ ихъ обвиняли и въ силу какихъ законовъ? Приготовленіе бомбъ было легальнымъ; бросить одну бомбу не требуетъ рукъ восьми человѣкъ и всѣ знали, что никто изъ арестованыхъ не бросилъ бомбу въ шайку легальныхъ убійцъ. — Съ законной точки зрѣнія осудить анархистовъ нельзя, но никогда законы не стѣсняютъ буржуазію, когда ей нужно избавиться отъ своихъ враговъ и терроризировать рабочія массы. — Впрочемъ, гораздо легче сдѣлать сотню законовъ, чѣмъ пару хорошихъ сапогъ. Издательства законовъ не требуетъ ни здраваго разсудка, ни ума ни умѣнья, и всякій глупецъ, сумасшедшій монархъ, отупѣвшій буржуй можетъ быть великимъ законодателемъ, мудрымъ политическихъ мужемъ, если законы его находятъ поддержку въ пушкахъ и штыкахъ разноцвѣтныхъ солдатъ. Вся сила закона — Въ насиліи, но рабочія массы болѣе равнодушны къ убійству своихъ братьевъ, когда это убѣйство совершается во имя законовъ. Буржуазія лицемѣрна; и для осужденія преданныхъ суду анархистовъ она издала законы, запрещающіе изготовленіе бомбъ и предложила проектъ законовъ противъ заговоровъ. Въ силу этого-то проекта и въ силу изданного послѣмайскихъ событій закона о бомбахъ судъ приговорилъ семъ анархистовъ къ смертной казни, а восьмого къ 15-ти годамъ тюрьмы.

* * *

Изъ тюрьмы Парсонъ, одинъ изъ осужденныхъ на смерть анархистовъ, писалъ своимъ друзьямъ: „Ну да, государство должно насъ убить. Развѣ это такъ ново и такъ удивительно? Конечно нѣтъ! Убійство есть дѣйствительно единственная легальная функція, благодаря которой поддерживается соціальная организація, называемая государствомъ. Развѣ не государство, развѣ не законы и не государственныя учрежденія сдѣлали изъ большинства людей-преступниковъ, нищихъ, рабовъ? Развѣ государство, это соціальное чудовище не сдѣлало изъ рабочихъ всего міра наемныхъ рабовъ и не превратило ихъ въ классъ продажныхъ и подчиненныхъ людей?

— Кто же, если не государство, надѣлилъ человѣчество бѣдностью, нищетой, предразсудками? . . .

— Къ черту государство! — говорю я. И вотъ почему они отвѣчаютъ: ты умрешь!“ . . .

Въ этихъ немногихъ словахъ заключается объясненія осужденія на смерть чикагскихъ анархистовъ. Парсонъ и его товарищи стремились воодушевить рабочее движеніе соціалистической идеей о необходимости полнаго уничтоженія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Въ своихъ газетахъ, въ своихъ рѣчахъ они указывали рабочимъ, что ихъ освобожденіе невозможно, пока существуетъ государство, т. е. собственность и власть; живя жизнью рабочихъ, борясь въ ихъ рядахъ, они неустанно старались развить въ массахъ ненависть къ существующему строю, любовь къ свободѣ и готовность къ прямой, само-

стоятельной, дѣйствительной борьбѣ противъ политической и экономической эксплуатаціи рабочаго класса. — Долой государство! — говорили анархисты, т. е. долой собственность, власть господство однихъ надъ другими. Долой государсво, т. е. долой суевѣрную надежду на возможность при посредствѣ законовъ и государственныхъ учрежденій освободиться отъ рабства капиталистическаго строя. Долой государство! т. е. долой безумную вѣру во всеобщее избирательное право, въ народныхъ представителей, въ рабочіе законы, въ легальный захватъ власти. Долой государство! т. е. долой армію, полицію, судъ, бюрократію, правительство. Къ черту государство! т. е. да здравствуетъ народная революція; да здравствуютъ возставшія массы рабочихъ, воздвигающихъ на развалинахъ рабскаго строя коммунистическое общество Равенства, Братства, Анархіи.

Долой государство-говорили анархисты; смерть! отвѣтили капиталисты, правители, судьи. Но не одинъ изъ осужденныхъ анархистовъ не бросилъ бомбы въ полицію. Это не важно — отвѣтила буржуазія. „Виноваты они или нѣтъ, — анархисты должны быть повѣшены“ говорилъ начальникъ хозяйской полиціи, стрѣлявшій въ чикагскихъ рабочихъ. „Они не виновны въ убѣствѣ полицейскихъ, но необходимо повѣсить рабочихъ агитаторовъ“ писала лондонская буржуазная газета »Время«. Въ лицѣ судимыхъ анархистовъ американская буржуазія судила всеобщую забастовку Она судила массовое рабочее движеніе, принимающее характеръ экономической ре-

волюціонной борьбы. Въ лицѣ анархистовъ буржуазія судила идею о необходимости употребленія рабочими динамита и бомбъ; идею о необходимости насильственнаго захвата фабрикъ, земель и самостоятельной организаціи производства и потребленія для общаго блага всѣхъ людей. — На скамьѣ подсудимыхъ буржуазія видѣла передъ собой искреннихъ друзей рабочаго класса, непримиримыхъ враговъ государства и собственности, и въ лицѣ анархистовъ она судила революціонный энтузіазмъ, вѣру въ возможность свободнаго общества, энергію борьбы, желаніе побѣды. — Буржуазія судила народную революцію, знающую хорошо, чего она хочетъ и не останавливающуюся ни передъ чѣмъ, дабы достигнуть уничтоженія эксплуатаціи одного человѣка другимъ; — и приговоръ буржуазіи былъ: смерть! Рабочіе всѣхъ странъ, бунтуйте! — говорили анархисты. Бунтуйтесь противъ капитала и власти; сожгите своды законовъ; разрушайте тюрьмы, казармы, возьмите всѣ богатства, такъ какъ все создано вашимъ трудомъ. Все предналежитъ вамъ, и ваше спасеніе находится въ вашихъ рукахъ. Рабочіе всѣхъ странъ, бунтуйте! — говорили анархисты. Смерть! — отвѣтила имъ буржуазія; и это не ново и не удивительно, такъ вся жизнь буржуазнаго строя покоится на рабствѣ трудящихся массъ и на постоянномъ убійствѣ всѣхъ тѣхъ, кто словомъ и дѣломъ учитъ рабочихъ, какъ и за что имъ надобороться.

* * *

Всеобщая забастовка приходила къ концу. Многіе профессіональные союзы добились уменьшенія рабочаго дня, и все вниманіе было теперь сосредоточено на судьбѣ осужденныхъ товарищей анархистовъ. Процессъ анархистовъ и осужденіе открыло глаза многихъ рабочимъ и въ своемъ возваніи къ американскому народу профессіональные союзы Нью-Іорка говорили слѣдующее: „Почему осудили этихъ честныхъ людей? Потому что они пользовались правами и свободами, гарантированными конституціей. Ни въ чемъ другомъ кромѣ этого ихъ нельзя было обвинить, несмотря на подкупъ свидѣтелей и на болтовню юристовъ. И поэтому то эти люди будутъ преданы смерти отъ твоего имени, Народъ Соединеныхъ Штатовъ! Позволишь ты такъ называемому правосудію дѣйствовать такъ постыдно? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Поднимись, народъ, пусть раздается твой голосъ протеста, не допусти, чтобы тебя испутали Анархіей! Анархія не есть дикая борьба между людьми. Это братская гармонія человѣчества, это уничтоженіе эксплуатаціи и тираніи. Анархія — это соціальный строй, гдѣ каждый работаетъ сообразно своимъ силамъ и пользуется свободно всѣмъ тѣмъ, въ чемъ онъ нуждается. Анархія—это свобода, гуманность, справедливость . . . Буржуазія хочетъ терроризировать; она требуетъ око за око, зубъ за зубъ. Пусть! Для насъ тоже этотъ принципъ не останется мертвой буковой; и буржуазный терроръ можетъ быть парализованъ только краснымъ терроромъ . . .“ Идея нью-іорскихъ

синдикатовъ была вѣрна: только революціонный терроръ смогъ-бы пріостановить легальный терроръ буржуазіи. Чтобы освободить осужденныхъ анархистовъ, необходима была революція. Чикаго былъ наполненъ войсками, за всѣми анархистами слѣдили; каждый ихъ шагъ становился немедленно извѣстенъ, и рабочія массы чувствовали себя слишкомъ слабыми, чтобы предпринять что-либо серьезное.

Послѣ осужденія анархистовъ начались многолюдные митинги протеста. Въ Европѣ и Америкѣ велась среди рабочихъ сильная агитація противъ судебнаго убійства тѣхъ, кто стоялъ во главѣ первой всеобщей забастовки; образовывались комитеты петицій, и сотнями тысячъ подписей покрывались прошенія къ высшимъ властямъ о помилованіи осужденныхъ. — Что могли сдѣлать митинги, что могли сдѣлать петиціи? Ничего! — Буржуазія можетъ помиловать обыденныхъ воровъ и убійцъ, обыкновенныхъ преступниковъ, такъ какъ въ большинствѣ изъ нихъ она узнаетъ людей, которые могли-бы быть хорошими хозяевами, банкирами, фабрикантами, мудрыми законодателями, если бы у нихъ хватило ловкости или средствъ, чтобы воспользоваться какъ слѣдуетъ легальными способами убійства и воровства. — Буржуазія можетъ помиловать всевозможныхъ преступниковъ, такъ какъ благодаря „преступленіямъ“ однихъ громадное большинство буржуа можетъ считать себя честными людьми; такъ какъ „преступленія“ однихъ даютъ

окраску добродѣтели другимъ. Помиловать анархистовъ, — этихъ гордыхъ враговъ буржуазнаго строя, основаннаго на воровствѣ, убійствѣ, обманѣ, грабежѣ и все возможныхъ преступленіяхъ; помиловать людей, всѣми силами стремящихся къ уничтоженію этого строя, буржуазія не можетъ, — въ особенности, когда сами осужденные анархисты протестуютъ противъ петицій и гордо предпочитаютъ смерть оскорбительному помилованію со стороны господствующаго класса враговъ и убійцъ.

„Я узналъ, что вамъ посылаютъ петиціи объ отмѣнѣ моей смертной казни. Человѣкъ съ честью и совѣстью я не могу просить помилованія. Я не преступникъ и не могу раскаиваться въ томъ, чего я не сдѣлалъ. Долженъ ли я просить извиненія за свои принципы, за то, что я считаю хорошимъ и справедливымъ? Нѣтъ! Я не лицемѣренъ и не могу просить, чтобы мнѣ простили вину, которая заключается въ томъ, что я анархистъ . . . Я не могу просить помилованія, ни даже принять его, не потерявъ права на свое собственное уваженіе . . .“

Энгелъ и Лингъ съ своей стороны писали товарищамъ: „. . . . я долженъ сказать, что я отказываюсь отъ дальнѣйшаго исканія справедливости у правителей. Друзья и товарищи, я возмущенъ до глубины души, что вы считаете рабочихъ такими глупыми, что имъ необходимо подтвержденіе постыднаго приговора федеральнымъ трибуналомъ*) —

*) Высшее судебное учрежденіе.

этимъ высшимъ олицетвореніемъ капитала, эксплуатаціи и легальной тиранніи — для того, чтибы они поняли, что такое справедливость для этихъ бандитовъ . . .

Ни петиціи, ни митинги не повели ни къ чему. Верховный судъ подтвердилъ прежній приговоръ, и казнь анархистовъ была назначена на 11 ноября 1887 года.

* * *

Въ классовой войнѣ между буржуазіей и рабочими анархисты составляютъ революціонный авангардъ, и всякій авангардъ заранѣе предназначенъ для смерти. Въ борьбѣ за свободу рабочаго класса смерть однихъ расчищаетъ дорогу для другихъ; въ борьбѣ за счастье человѣчества смерть есть источникъ жизни, прогресса, и смерть не страшна для тѣхъ, чья жизнь посвящена великому дѣлу народной свободы . . .

Въ продолженіи пятнадцати мѣсяцевъ осужденные анархисты ожидали выполненія судебнаго приговора. Гордо и спокойно они ждали своей смерти, въ то время какъ буржуазія злорадствовала, издѣвалась надъ ними и изощрялась въ усиленіи моральныхъ мукъ ихъ женъ. „Жены анархистовъ шьютъ имъ саваны для висѣлицы“ — писали буржуазныя газеты. „Заказана веревка, на которой повѣсятъ анархистовъ.“ „Она уже готова.“ „Палачъ въ затрудненіи: казнить сразу пятерыхъ ему кажется слишкомъ большимъ трудомъ.“ „Съ веревкой,

на которой повѣсять анархистовъ, дѣлаютъ опыты. Она выдержитъ такой-то вѣсъ. Этого достаточно: свини успѣютъ похудѣть до этихъ поръ". — „Все это лишняя роскошь: ихъ слѣдовало бы повѣсить на просторой бичевкѣ, чтобы она четыре или пять разъ оборвалась раньше, чѣмъ покончить съ ними". — Ихъ повѣсятъ въ два пріема. Кого первымъ? Парсона и Шписа? Нѣтъ, Энгеля и Линга. Шписъ первный-пусть онъ полюбуется, какъ его друзья запляшутъ въ воздухѣ."

Буржуазія злорадствовала; и такого рода издѣвательства продолжались изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, до послѣдняго дня. 10-го ноября былъ объявленъ осужденнымъ приговоръ въ окончательной формѣ. Смертная казнь Шваба и Фильдена была замѣнена безсрочной каторгой. „Мы предпочли бы моментальную смерть медленной" — заявили они. При выполненіе приговора, ни одинъ мускулъ лица не дрогнулъ у Фишера и Энгеля, — писали газеты. Парсонъ невозмутимо улыбнулся. Шписъ разразился страстной рѣчью противъ убійцъ. — Линга тогда уже не было въ живыхъ. Еще на судѣ онъ заявилъ: „Не радуйтесь, господа, вамъ не удастся казнить меня" — и за нѣсколько дней до казни онъ взорвалъ себя, закуривъ сигару, начиненную гремучей ртутью. — 11 ноября 1887 года приговоръ буржуазнаго класса былъ приведенъ въ исполненіе.

„Четыре висѣлицы были устроены во внутреннемъ дворѣ чикагской тюрьмы, стѣны которой охраняло болѣе трехъ тысячъ человѣкъ — писалъ

франц. анарх. органъ „Revolte“. — Дальше, въ 500 шаговъ отъ стѣнъ, тюрьму окружалъ другой кордонъ изъ войска и полиціи . . . еще дальше масса шпіоновъ и сыщиковъ Жены осужденныхъ прошли черезъ первый кордонъ просили разрѣшенія войти въ тюрьму, въ послѣдній разъ обнять дорогихъ имъ людей. Въ этомъ имъ грубо отказали и прогнали. Жена Парсона, пришедшая со всѣми своими дѣтьми, не хотѣла уходить и отчаянно сопротивлялась, но ее вытолкали, арестовали и вмѣстѣ съ дѣтьми отвели въ тюрьму . . .

Въ одинадцать часовъ пятьдесятъ минутъ палачи пришли за осужденными. Анархисты гордо и спокойно взошли на эшафотъ. Когда ихъ поставили въ рядъ подъ четырьмя висѣлицами Парсонъ началъ рѣчь: „Мужи и жены Америки“ . . . Но бѣлый капюшонъ и веревка прервала его слова.

„Наше молчаніе въ гробу, воскликнувъ Шписъ, сдѣлаетъ больше, чѣмъ нашъ голосъ, который вы теперь душите!“

„Да здравствуетъ анархія!“ вскричалъ Энгель.

„Это счастливѣйшая минута моей жизни! Да здравствуетъ анархія!“ — провозгласилъ Фишеръ въ ту минуту, когда капюшонъ и петля падали на его вдохновенное лицо и уже закрывали его кроткіе глаза. Секунду спустя открылся трапъ и всѣ четверо сразу повисли въ пространствѣ. Тѣла казненныхъ были выданы роднымъ и товарищамъ и погребены въ тотъ же день. Буржуазія торжество-

вала . . . Рабочимъ былъ данъ кровавый урокъ . . . пали первыя жертвы первой всеобщей забастовки!

* * *

1-го мая 1886 года; 11-го ноября 1887! Съ тѣхъ поръ буржуазія много пролила рабочей крови; съ тѣхъ поръ многія тысячи людей погибли въ борьбѣ за свободу народа; много пало героевъ. Но смерть погибшихъ борцовъ — не безплодна, и она говоритъ: „Рабочіе всѣхъ странъ, бунтуйте! Только бунтъ сознательный, постоянный и непрерывный противъ власти, собственности, предразсудковъ и религій можетъ положить конецъ эксплуатаціи и рабству трудящихся массъ. Рабочіе всѣхъ странъ, бунтуйте!“ И настанетъ время, когда на развалинахъ государственнаго строя водворится свободная коммуна свободныхъ и счастливыхъ людей; настанетъ время, когда среди человѣчества будетъ господствовать Равенство, Справедливость и Братство. И это время, быть можетъ, уже близко . . . Рабочіе всѣхъ странъ, бунтуйте! . . .

А. Н.